

Кто и как сегодня изучает русское присутствие на Южно-Маньчжурской железной дороге

П. Н. Дудин

Для цитирования: Дудин П. Н. Кто и как сегодня изучает русское присутствие на Южно-Маньчжурской железной дороге // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1329–1349. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.416>

На основе работ англоязычных авторов, опубликованных после 2000 г. и изучающих в том или ином ракурсе Южно-Маньчжурскую железную дорогу, автор исследует феномен российского/советского присутствия как в Маньчжурии, так и в целом в Восточной Азии. Сам объект изучения, именуемый до Русско-японской войны 1904–1905 гг. южной веткой Китайско-Восточной железной дороги, находился в ведении нашей страны непродолжительное время, однако до сих пор остается своеобразным барометром как довоенного, так и послевоенного регионального порядка. Это связано со значительным усилением Японии и японского присутствия, одним из инструментов которого была дорога и управляющая ею корпорация «Мантэцу», поэтому схема «было — стало» присутствует в заявленных исследованиях, а изменение диспозиции держав является одним из основных сюжетов. Эта же схема в ряде научных трудов отражает трансформацию позиций отдельных западных ученых под воздействием так называемых войн памяти на фоне изменений в системе международных отношений за последние 7–8 лет. Анализируемые труды концентрируются на тех сферах общественной жизни, на которые воздействовала железная дорога вне зависимости от своей подчиненности: железнодорожная инфраструктура; русская и японская сферы интересов; транскультурный и фронтальный аспекты в связке с эмиграцией до и реэмиграцией и репатриацией после окончания Второй мировой войны; а также городское пространство трех «маркерных» поселений — Харбина, Дайрена и Чанчуня. Делается вывод о чрезвычайно малом научном внимании, уделяемом заявленной теме, о слабом использовании иностранными коллегами российских ресурсов и потенциала российских ученых, а также о конъюнктурности отдельных научных исследований, стремящихся представить нашу страну агрессором и экспансионистом, а имперскую политику — провальной для тех, кто ее разрабатывал и воплощал, а также губительной для региона.

Павел Николаевич Дудин — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Центр изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, Российская Федерация, 670000, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; dudin2pavel@gmail.com

Pavel N. Dudin — Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Center for the Study of Political Transformations, Buryat State University named after D. Banzarov, 24a, ul. Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russian Federation; dudin2pavel@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01087 «Русский мир Внутренней Азии в XXI веке: политика памяти и символическое наследие политического присутствия».

The research was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation grant No. 22-28-01087 “The Russian world of Inner Asia in the 21st century: the politics of memory and the symbolic legacy of political presence”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Ключевые слова: российское присутствие, советское присутствие, Российская империя, СССР, Япония, Китай, Маньчжурия, Южно-Маньчжурская железная дорога, Дайрен, Русско-японская война 1904–1905 гг.

Who and How is Studying the Russian Presence on the South Manchurian Railway

P. N. Dudin

For citation: Dudin P. N. Who and How is Studying the Russian Presence on the South Manchurian Railway. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1329–1349. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.416> (In Russian)

Based on the works by English-speaking authors on the South Manchurian Railway published after 2000, the author explores the phenomenon of the Russian/Soviet presence in Manchuria and in East Asia. The object of study was under the jurisdiction of Russia for a short time, but remained a kind of barometer of the pre- and post-war regional order. This is due to the significant strengthening of Japan and the Japanese presence, so the “before — after” scheme is present in the reviewed studies, and the change in the disposition of the powers is one of the main narrative plots. A similar “before — after” scheme in a number of works reflects the transformation of the positions of individual Western scholars under the influence of the so-called “memory wars” against the background of changes in the system of international relations over the past 7–8 years. The works in question concentrate on those spheres of public life that were affected by the railway irrespective of its subordination. The conclusions of the article reveal that this topic is under-researched; that foreign scholars make little use of the Russian resources and the potential of Russian researchers; that some opportunistic studies seek to present Russia as an aggressor and an expansionist, and the imperial policy — as a failure and disaster for the region.

Keywords: Russian presence, Soviet presence, Russian Empire, USSR, Japan, China, Manchuria, South Manchurian Railway, Dairen, Russo-Japanese War of 1904–1905.

Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), именуемая до 1905 г. южной веткой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), пусть и представляющая собой меньший интерес для научной общественности по сравнению с Порт-Артуром или г. Дальним, тем не менее стойко ассоциируется в общественном сознании с Русско-японской войной 1904–1905 гг. и поражением в ней нашей страны. Переданная по условиям Портсмутского мирного договора во владение Японии дорога во многом сыграла роль хребта японской военной и гражданской инфраструктуры на континенте, обеспечив возможность контроля значительных пространств в 1930–1940-х гг. Управление ЮМЖД было возложено на Южно-Маньчжурскую железнодорожную компанию (South Manchuria Railway Company, Ltd), получившую в обиходе сокращенное наименование «Мантэцу» (Mantetsu — Minamimanshū Tetsudō Kabushikigaisha), в свою очередь, выступившую в качестве нервной системы всего грандиозного механизма японского присутствия. Однако этот механизм во многом базировался на результатах российского пребывания, причем не только в отношении построенных и оставленных нашей страной объектов, но и идей, доводимых «до ума» японскими инженерами, и представителей так называемой белой эмиграции. И если о наследии КВЖД написано изрядное количество научного материала, снято множество фильмов, издано огромное количество мемуаров

и прочих публикаций, то относительно ЮМЖД наблюдается лишь редкое обращение в контексте все той же Русско-японской войны или ее последствий в ракурсе усиления Японии и ее политики в регионе до 1945 г.

Именно поэтому среди задач настоящей статьи: 1) выявить интенсивность этих обращений, осуществив обзор наиболее интересных с научной точки зрения работ, которые в своем содержании не только касаются ЮМЖД, но и дают ей ту или иную оценку; 2) определить отражение в этих работах характера российского/советского присутствия в Маньчжурии как до, так и после передачи дороги японцам, а также охарактеризовать восприятие англоязычными авторами исследуемых ими событий. Этот момент нам особенно интересен на фоне так называемых войн памяти и попыток после 2014 г. пересмотра итогов Второй мировой войны и участия в ней нашей страны, в том числе на Дальнем Востоке. И, наконец, в-третьих, мы хотим познакомить российского исследователя с теми работами, событиями, процессами и фактами, которые связаны с русским наследием в зоне функционирования ЮМЖД, понимая при этом, что его осталось не так уж много.

Актуальность исследования обусловлена целым набором событий разной степени важности, знаковых для нашей страны и ее присутствия в регионе, среди которых наибольший интерес вызывают 120 лет со дня подписания 26 марта 1902 г. Русско-китайского соглашения о Маньчжурии и 90 лет со дня образования 1 марта 1932 г. государства Маньчжоу-Го, которому СССР спустя три года продал КВЖД. С образованием Маньчжоу-Го, чему предшествовало агрессивное вторжение японцев в сентябре 1931 г. в Маньчжурию, некоторые исследователи¹ связывают начало так называемой «нулевой Мировой войны»², в связи с чем этот государственный феномен нуждается в более глубоком междисциплинарном научном изучении.

Предметно наша статья сосредоточена на англоязычных работах, статьях, монографиях, рецензиях и других подобных материалах, опубликованных в период с 2000 г. до настоящего времени, в которых ЮМЖД и российскому присутствию уделяется исследовательское внимание и этому дается научная оценка. Поскольку ЮМЖД после передачи японцам управлялась корпорацией «Мантэцу», то для нас упоминание этих институций представляет равнозначный интерес и подлежит анализу.

Методологической опорой нашего исследования будут служить различные интерпретации категории «присутствие», раскрытые в статьях автора П. Н. Дудина³ и крупного исследователя российского присутствия в Восточной Азии доктора политических наук А. В. Михалева⁴.

Структурно работа выстроена с опорой на те сюжетные линии, которые вырисовывали авторы в своих трудах и одновременно с этим являлись теми областями общественной жизни, на которые ЮМЖД оказывала свое влияние.

---

¹ Kato Y. What Caused the Russo-Japanese War: Korea or Manchuria? // *Social Science Japan Journal*. 2007. Vol. 10, no. 1. P.95–103.

² Ibid. P.9.

³ Дудин П. Н. Правовые основы русского стратегического присутствия в Восточной Азии (конец XIX — первая половина XX в.) // *Международные отношения*. 2017. № 4. С. 16–22.

⁴ Михалев А. В. Политическое присутствие — генеалогия концепта // *Мировая политика*. 2019. № 2. С. 33–42; Mikhalev A. V. The Russian Diaspora in Mongolia: Stages of the Formation of Frontier Religiosity // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 2018. Vol. 57, no. 2. P.128–141.

Первой среди подобных областей была *железнодорожная инфраструктура*. В этом ключе небезынтересной для отечественного исследователя будет переизданная в 2014 г. коллективная монография «Японская неформальная империя в Китае, 1895–1937 гг.»⁵ (первая редакция 1989 г.), где на организационной стороне вопроса в главе 4 «Японский империализм в Маньчжурии: железнодорожная компания Южной Маньчжурии, 1906–1933 гг.» останавливается ученый из Гарвардского института Стэнфорда Рамон Майерс. В ракурсе ресурсного и управленческого потенциала ЮМЖД и «Мантэцу» российское пребывание отмечено участием императорского правительства в продвижении своих предприятий в регионе на примере Русско-Азиатского банка, КВЖД и т. п. Обращает на себя внимание сноска 4, в которой ученый указывает на «предоставленные Москве» цинским правительством привилегии⁶, тогда как столицей России был Санкт-Петербург, в связи с чем остается надеяться, что в данном случае мы имеем дело с досадной оговоркой или неверным цитированием одного из источников.

Визуализация эпохи отражена в статье ученого из Гарвардского университета Джи Ли «Фантасмагорический Маньчжоу-Го: документальные фильмы производства Южно-Маньчжурской железной дороги, 1932–1940 гг.»⁷. Работа представляет собой подробный контент-анализ коллекции документальных фильмов, снятых «Мантэцу» в довоенный период. Автор изучает кинематографические образы подданных Маньчжурского государства, среди которых есть и хорошо говорящие японски русские школьники, очевидно, дети белоэмигрантов, «экзотические» образы старого «русского» Харбина с его кабаре, а также японские жертвы битвы на р. Халхин-Гол в 1939 г.⁸

Определенный интерес представляет доклад «Южно-Маньчжурская железнодорожная компания как разведывательная организация» приглашенного научного сотрудника Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies — CSIS) в Вашингтоне Акихико Маруя⁹. Доклад содержит сведения о военных русскоязычных материалах, вербовке русских, немцев и американцев в качестве агентов, а также отдельные аспекты разведывательной деятельности в отношении СССР и его гражданского и военного присутствия в регионе.

Промышленный потенциал ЮМЖД раскрывается в работе сотрудника Academia Sinica (г. Тайбэй) Чэн Цюю «Южно-Маньчжурская железная дорога и горнодобывающая промышленность: пример угольной шахты Фушунь»¹⁰, подспудно объясняющей экономические успехи этого направления деятельности «Мантэцу» слабостью российских инвестиций и в лучших чертах академической науки определяющей предпосылки к экономическому успеху ЮМЖД в заявленной ресурсной

⁵ Peattie M. R., Myers R. H., Duus P. The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937. Princeton, 2014.

⁶ Ibid. P. 102.

⁷ Li J. Phantasmagoric Manchukuo: Documentaries Produced by the South Manchurian Railway Company, 1932–1940 // Position: East Asia cultures critique. 2014. No. 22 (2). P. 329–369.

⁸ Ibid. P. 362.

⁹ Maruya A. The South Manchuria Railway Company as an Intelligence Organization. A report of the Center for Strategic and International Studies (CSIS) Japan Chair. Washington, 2012.

¹⁰ Chen T.-Y. The South Manchurian Railway Company and the Mining Industry: The Case of the Fushun Coal Mine // East Asian History and Culture Review. 2015. Vol. 4, no. 2. P. 630–657.

области. Дополнением заданному сюжету может служить предварительный доклад «Южно-Маньчжурская железная дорога и ее взаимодействие с военными: бухгалтерская и финансовая история. 1907–1943 гг.»¹¹ за авторством профессора Университета Кобе Масаёси Ногучи и профессора Кардиффского университета Тревора Бойнса. Доклад обнажает дилемму относительно того, какой характер преобладал в функционировании ЮМЖД во взаимодействии с Квантунской армией — коммерческий или государственный.

Следующая область научного изучения — *разделение сфер интересов России и Японии после 1905 г. и конструирование регионального порядка*. В этом блоке научных трудов можно выделить два течения научной мысли. Представители первого (условно — *объективисты*) сохраняют научный подход и оценку исследуемых событий и процессов, а представители второго (условно — *негативисты*) — исследователи, публикующие свои работы после марта 2014 г. с явно выраженной анти-русской риторикой.

Среди *объективистов* выделяется цикл работ профессора Ёшихисы Так Мацусаки, посвященных отдельным аспектам деятельности ЮМЖД, вопросам российского присутствия в регионе и российско-японских отношений в первой половине XX в. Прежде всего это статья «Воображая Манмо: Отображение русско-японских соглашений о границе в Маньчжурии и Внутренней Монголии, 1907–1915»¹², в которой автор посредством более чем десятка карт пытается установить истинные пределы сфер специальных интересов России и Японии в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Далее в статье «Южно-Маньчжурская железнодорожная компания Японии на северо-востоке Китая, 1906–1934 гг.»¹³ ученый кратко, но емко касается истории создания и управления дорогой, компании «Мантэцу» и ее как коммерческой, так и политической функции, а также места ЮМЖД в создании Маньчжоу-Го. Основной лейтмотив анализа присутствия нашей страны в регионе — так называемое «русское наследие», доставшееся Японии после победоносной войны, и вопрос: что с этим всем делать?

Однако действительно глубокое исследование в отношении Южной Маньчжурии и ее железнодорожных путей проделано в объемном издании «Создание японской Маньчжурии, 1904–1932»¹⁴, которое, по словам профессора Раны Миттера, задает высокий сложно преодолимый исследовательский стандарт¹⁵. Ценность работе придают некоторые позиции автора, заставившие обратить на себя внимание других крупных западных ученых: о «вынужденной» колонизации Маньчжурии¹⁶;

---

¹¹ *Noguchi M., Boyns T.* The South Manchuria Railway Company and its Interactions with the Military: An Accounting and Financial History // *The Japanese Accounting Review*. 2013. Vol. 3, issue 2013. P. 61–101.

¹² *Matsusaka Y. T.* Imagining Manmō: Mapping the Russo-Japanese Boundary Agreements in Manchuria and Inner Mongolia, 1907–1915 // *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*. 2012. Vol. 1, no. 1. P. 172–204.

¹³ *Matsusaka Y. T.* Japan's South Manchuria Railway Company in Northeast China, 1906–34 // *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, London, 2010. P. 37–58.

¹⁴ *Matsusaka Y. T.* *The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932*. Cambridge, 2001.

¹⁵ *Mitter R.* The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka // *The International History Review*. 2002. Vol. 24, no. 3. P. 662–663.

¹⁶ *Reynolds B.* The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka // *The Journal of Asian Studies*. 2002. Vol. 61, no. 2. P. 726–727.

деликатности японцев по отношению к интересам СССР¹⁷; квазигосударственном характере «Мантэцу»¹⁸ и т. д. Российский/советский фактор остается для автора одним из определяющих в характеристике приоритетов японской политики на континенте, будь то русское население Маньчжурии и его имперские амбиции, опасность «мести» России за поражение в минувшей войне или же победа над Россией как цементирующее звено идентичности японской имперской армии.

О полугосударственном характере «Мантэцу» ведет речь и профессор Университета Мёрдока Сандра Уилсон в работе «Маньчжурский кризис и японское общество, 1931–33»¹⁹, сравнивая ее с Ост-Индской компанией Великобритании и характеризуя как «необычный сплав политических, военных и деловых интересов»²⁰. В контексте нашего исследования особо выделяется блок тем, касающихся используемых японской пропагандой образов Русско-японской войны, позволявших создать из японского солдата и японского народа образ жертвы. В этом, как отмечает профессор Ё. Т. Мацусака, проявлялось «“публичное лицо” кризиса, подготовленное государственными органами и средствами массовой информации»²¹. В этом же пропагандистском ключе С. Уилсон показана и роль японской системы образования в регионе.

В схожем ракурсе в статье «Новый империализм и постколониальное развитие государства: Маньчжоу-Го в сравнительной перспективе»²² эмерит-профессор Чикагского университета Прасенджит Дуара рассуждает относительно «Мантэцу» как о «квазигосударственной корпорации со многими дочерними предприятиями и одной из крупнейших научно-исследовательских организаций в мире до 1945 г.»²³. Но безусловную ценность работе придает выдвигаемая и обосновываемая автором концепция нового империализма, противопоставляемого концепции неокolonизма. Ученый ведет речь о японском присутствии в регионе как о вынужденном (или принудительном) сотрудничестве с китайской стороной²⁴, а советское — как проявление нового империализма, ставя его в один ряд с аналогичной политикой самой Японии и США²⁵, тем самым формируя задел для обоснования категории регионального порядка в Восточной Азии и его имперского воплощения.

ЮМЖД как одна из позиций геополитического торга с участием СССР, Японии и США фигурирует в объемном исследовании профессора Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Цуёси Хасэгавы «Наперегонки с врагом: Сталин, Трумэн и капитуляция Японии»²⁶. Политический налет ей придает позиция автора о незаконности претензий СССР и современной России относительно Южных

¹⁷ Sewell B. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka // Pacific Affairs. 2001–2002. Vol. 74, no. 4. P. 608–610.

¹⁸ Young L. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka // Monumenta Nipponica. 2002. Vol. 57, no. 2. P. 234–237.

¹⁹ Wilson S. The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33. London, 2002.

²⁰ Ibid. P. 15–16.

²¹ Matsusaka Yo. T. The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33 // The Journal of Japanese Studies. 2004. Vol. 30, no. 1. P. 178–182.

²² Duara P. The New Imperialism and the Post-Colonial Developmental State: Manchukuo in comparative perspective // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. 2006. Vol. 4, issue 1. P. 1–17.

²³ Ibid. P. 4.

²⁴ Ibid. P. 5–6.

²⁵ Ibid. P. 1.

²⁶ Hasegawa Ts. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. Cambridge, 2005.

Курил²⁷, а посыл о том, что, «если русские не придут к этому осознанию, процесс очищения себя от сталинского прошлого никогда не будет завершен»²⁸, может заслуживать внимания, по нашему мнению, лишь после того, как японцы в результате очищения себя от кровавого наследия Хирохито принесут официальные извинения в адрес китайского народа за все преступления, совершенные ими в период Второй японско-китайской войны.

Институту японской консульской полиции в Маньчжурии посвящена книга «Пересечение края империи: полиция МИД и японский экспансионизм в Северо-Восточной Азии»²⁹ профессора Университета Вермонта Эрика Эссельстрема. По мнению доцента Оберлинского колледжа Эмер О'Дуайер, этот труд является «свидетельством того, как изучение довоенной империи Японии переживает возрождение, возглавляемое молодыми учеными, вдохновленными новыми подходами и проблемами»³⁰. Русское присутствие, русский язык, знание которого было необходимым для ряда подразделений полиции, противодействие русской шпионской сети, Русский дипломатический корпус, равно как и соперничество с Россией — те важные факторы, по мнению автора, которые влияли и на развитие полицейской инфраструктуры, и на японскую политику в Маньчжурии в целом.

Малоизвестные события, предшествующие продаже Советским Союзом КВЖД властям Маньчжоу-Го в 1935 г. и политика японцев в отношении ЮМЖД стали предметом небольшого, но содержательного исследования Чжан Хунцзюня из Ляонинской академии общественных наук «Инцидент на железной дороге в Японии и Чжондон»³¹»³². Данная публикация вкупе с исследованием Ван Ляньцзе³³ и некоторых других ученых³⁴ проливает свет на многие малоизвестные инициативы и решения японских властей, а также на место и роль Коммунистической партии Китая в процессе построения регионального порядка до и после войны.

Наконец, работа с многообещающим названием «Россия в Маньчжурии: проблема империи» ушедшего в августе 2021 г. крупного исследователя российского присутствия в регионе эмерит-профессора Абердинского университета Пола Дьюкса³⁵ содержит богатый архивный, фото- и картографический материал, а исследовательский период охватывает почти три столетия, уделяя в третьей и четвертой главах особое внимание русско-японским отношениям и их влиянию на инфраструктуру региона, включая КВЖД и ЮМЖД.

Среди авторов, которые негативно оценивают российское присутствие в регионе, следует отметить доктора Чи Ман Вон из Гонконгского баптистского универ-

---

²⁷ Ibid. P. 300.

²⁸ Ibid. P. 300–301.

²⁹ *Esselstrom E. Crossing Empire's Edge: Foreign Ministry Police and Japanese Expansionism in Northeast Asia.* Honolulu, 2009.

³⁰ *O'Dwyer E. Review: Crossing Empire's Edge: Foreign Ministry Police and Japanese Expansionism in Northeast Asia // Journal of World History.* 2011. Vol. 22, no. 1. P. 185–190.

³¹ *Kum. пиньинь: 中东铁路, Zhōngdōng tiělù, Восточная железная дорога.*

³² *Zhang H. Japan and Zhongdong Railway Incident // Asian Culture and History.* 2009. Vol. 1, no. 2. P. 57–62.

³³ *Wang L. Zhongdong Railway Incident and Great Repercussions Caused by Letters from Chen Duxiu // Asian Culture and History.* 2010. Vol. 2, no. 1. P. 48–58.

³⁴ *Cheng V. Sh. Ch. Imagining China's Madrid in Manchuria: The Communist Military Strategy at the Onset of the Chinese Civil War, 1945–1946 // Modern China.* 2005. Vol. 31, no. 1. P. 72–114.

³⁵ *Dukes P. Russia in Manchuria: a Problem of Empire.* London, 2022.

ситета, издавшего труд «Война и геополитика в межвоенной Маньчжурии. Чжан Цзолинь и клика Фэнтянь во время Северной экспедиции»³⁶. В этой книге автор регулярно делает акцент на экспансионистском характере российского и японского пребывания³⁷, предполагая, что в планах как российской (в лице царского правительства), так и советской стороны было превращение Маньчжурии в свой сателлит, наподобие Внешней Монголии³⁸.

Некоторое внимание ЮМЖД и ее влиянию на геополитические процессы в регионе посвящена своеобразная работа профессора Тель-Авивского университета Марка Гамсы «Маньчжурия: краткая история»³⁹, вобравшая в себя как уже давно известные научной общественности факты относительно истории региона, так и типичный набор стереотипов: от законности передачи России в 1860-х гг. ее дальневосточных территорий⁴⁰ до негативных тенденций в среде коренных народов региона после их вхождения в состав России и Китая по настоящее время⁴¹; от клеймения освоения Сибири и Сахалина термином «оккупация»⁴² до примеров жестокого обращения русских с местным китайским населением и апелляцией к работам профессора Военно-морского колледжа США Сары Пэйн⁴³. Что касается самой С. К. М. Пэйн, то ее манера по «навешиванию ярлыков» уже проявлялась в ряде статей⁴⁴ в отнюдь не лицеприятном представлении России в качестве агрессора и оккупанта при умелом манипулировании ситуацией со стороны европейских держав (Германии и Великобритании) в ущерб запуганному Китаю. В итоге ошибочный посыл приводит к неверному выводу, что «Китайско-Восточная железная дорога оказалась неэффективной стратегией ни для рентабельной защиты границ, ни для развития торговли»⁴⁵. К чести автора, С. Пэйн здесь же говорит о том, что это — всего лишь попытка показать, какова была «цель проникновения России в Восточную Азию»⁴⁶. По нашему мнению, если это и попытка, то не совсем удачная. Аналогичным образом и книга М. Гамсы изобилует пренебрежительным отношением к фактам и поверхностными выводами, хотя и весьма богата собранными данными. Как результат, работа не имеет какого-либо заключения или резюме, в связи с чем сложно оценить целостную научную позицию автора относительно роли России в регионе и степени ее влияния на развитие Маньчжурии.

В аналогичном ключе, с односторонностью суждений и выводов, выстроена и другая работа М. Гамсы — «Харбин: кросс-культурная биография»⁴⁷: о холодном расчете при благотворительной и просветительской деятельности русских белоэмигран-

---

³⁶ *Kwong Ch. M. War and Geopolitics in Interwar Manchuria. Zhang Zuolin and the Fengtian Clique during the Northern Expedition.* Leiden; Boston, 2017.

³⁷ *Ibid.* P. 12, 25.

³⁸ *Ibid.* P. 5, 15.

³⁹ *Gamsa M. Manchuria: a concise history.* London; New York, 2020.

⁴⁰ *Ibid.* P. 3.

⁴¹ *Ibid.* P. 14–15.

⁴² *Ibid.* P. 26, 50.

⁴³ *Paine S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier.* Armonk, 1996.

⁴⁴ См., например: *Paine S. C. M. The Chinese Eastern Railway from the First Sino-Japanese War until the Russo-Japanese War // Manchurian Railways and the Opening of China.* P. 13–36.

⁴⁵ *Ibid.* P. 29.

⁴⁶ *Ibid.* P. 28.

⁴⁷ *Gamsa M. Harbin: A Cross-Cultural Biography.* Toronto, 2020.

тов⁴⁸, малозначительности Юридического факультета г. Харбина⁴⁹ и др. Причину этой односторонности раскрывает сам автор, признавая, что его труд «основан на единственном на сегодняшний день надежном анализе российско-китайских отношений в регионе»⁵⁰, добавляя, что упоминаемая им книга «“Дружки” империалистов? Царские русские в Маньчжурии, 1895–1917 гг.»⁵¹ «открыла почти неизведанные области»⁵², в связи с чем остается лишь сожалеть о том, что израильскому ученому так и не удалось познакомиться с богатейшим научным наследием о русской эмиграции в Китае вообще и о Харбине в частности, созданным нашими многочисленными соотечественниками.

Необходимо также упомянуть сборник статей «Маньчжурские железные дороги и открытие Китая. Международная история»⁵³, в котором свое внимание на ЮМЖД сосредоточил Ё. Т. Мацусака и отчасти С. К. М. Пэйн. Некоторый интерес может вызвать материал о переходе КВЖД и ЮМЖД под юрисдикцию Китая с приходом к власти коммунистов⁵⁴. Но интерес подогревает предисловие профессора Принстонского университета Стивена Коткина, пытающегося представить КВЖД как ошибочный и обременительный проект царской России, либо принесший нашей стране многочисленные проблемы, либо не обеспечивший достижения ее целей⁵⁵. В свою очередь, профессор Военно-морского колледжа США Б. А. Эллеман в присущем ему упрощенческом стиле⁵⁶ в «Эпилоге»⁵⁷ повторяет ошибочный вывод своей коллеги С. К. М. Пэйн о том, что «Китайско-Восточная железная дорога, находясь под управлением России, так и не окупилась»⁵⁸, и далее со ссылкой на отдельных конъюнктурных исследователей пытается выставить Советский Союз основным бенефициаром экономической политики молодой КНР в 1950-х гг., а ее тяжелое послевоенное положение — результатом «кабального» соглашения с СССР. Но, что особенно примечательно, во «Введении» подобной риторики нет⁵⁹: очевидно, присутствие авторитетных ученых (например, доцента Гарвардской школы бизнеса Элизабет Кёлл) заставляет соблюдать научный канон.

Некоторых аспектов влияния ЮЖМЖ на экологическую политику японцев, экологическое состояние региона и обеспечение японской стороны необходимыми ресурсами касается сборник статей «Империя и окружающая среда в создании Маньчжурии»⁶⁰. Во «Введении» за авторством профессора Университета Британ-

⁴⁸ Ibid. P. 65.

⁴⁹ Ibid. P. 66.

⁵⁰ *Quested R. K. I. “Matey” Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917.* Hong Kong, 1982.

⁵¹ Ibid. P. 10, 243, 244, 261–263, 266, 286, 361.

⁵² *Gamsa M.* Harbin. P. 10.

⁵³ *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History* / eds B. A. Elleman and Stephen Kotkin. Armonk; London, 2010.

⁵⁴ *Zhang Sh.* Return of the Chinese Changchun Railway to China by the USSR // *Manchurian Railways and the Opening of China.* P. 171–194.

⁵⁵ *Kotkin S.* Preface // *Manchurian Railways and the Opening of China.* P. XIII–XVI.

⁵⁶ См., например: *Elleman B. A.* Modern Chinese Warfare, 1795–1989. London, 2001.

⁵⁷ *Elleman B. A.* Epilogue: Rivers of Steel: Manchuria’s Railways as a Natural Extension of the Sea Lines of Communication // *Manchurian Railways and the Opening of China.* P. 195–208.

⁵⁸ Ibid. P. 196.

⁵⁹ *Elleman B. A., Köll E., Matsusaka Y. T.* Introduction // *Manchurian Railways and the Opening of China.* P. 3–10.

⁶⁰ *Empire and Environment in the Making of Manchuria* / ed. by Norman Smith. Vancouver, 2017.

ской Колумбии Нормана Смита⁶¹ проанализированы некоторые научные изыскания преимущественно середины — конца XX в. При этом искреннее недоумение вызывает фраза ученого: «Историкам Маньчжурия предлагает уникальное пространство для изучения маньчжурского и российского империализма, японского фашизма и китайского коммунизма»⁶², но ни автор, ни исследовательский коллектив так и не поясняют, в чем же именно уникальность заявленных «империализмов», а уж тем более где, на каком этапе в многонациональной и поликонфессиональной Маньчжурии первой половины XX в. мог проявиться японский фашизм. Далее следует перечисление ряда гипотез и клише относительно «имперскости» и «русскости» вышедшего из обихода и табуированного официальным Пекином термина «Маньчжурия»⁶³, регулярного нарушения Россией договорных обязательств перед слабеющей империей Цин (здесь и без ссылки читается «культурный код» С. К. М. Пэйн, хотя ссылка на нее имеется)⁶⁴, а также череда воспроизводимых заблуждений — от дорогого обошедшейся России Маньчжурии в результате ее решительного поражения в Русско-японской войне до России как катализатора, благодаря которому цинские власти смогли усилить колонизацию Маньчжурии⁶⁵. И, наконец, откровенной нелепостью, граничащей с попытками пересмотра итогов Второй мировой войны, звучит предложение о «суровом советском вторжении в Маньчжурию в 1945 г. и последующем охлаждении китайско-советских отношений»⁶⁶, а также утверждение о том, что «в течение десятилетий после того, как Россия и Япония были изгнаны [из Маньчжурии], международный интерес к региону был умеренным, и этот регион превратился в краеугольный камень национального экономического развития Китайской Народной Республики после победы коммунистов в гражданской войне»⁶⁷.

Транскультурный и миграционный аспекты — весьма обширная область научного познания, для изучения которой Маньчжурия есть фронт, «плавильный котел» народов, религий, культур, традиций. Память об этом выступает одним из важных исследовательских пространств, и сегментировать его можно следующим образом.

В *первом сегменте* присутствует японская эмиграция. Различным аспектам миграции в Маньчжурию представителей крупных держав своего времени, включая и Россию, посвящена работа профессора Томаса Готчана и эмерит-профессора Дайаны Лари «Ласточки и переселенцы. Великая миграция из Северного Китая в Маньчжурию»⁶⁸. Российское/советское нахождение в регионе авторами оценивается с точки зрения цифр и фактов с опорой на достоверные сведения и обширную статистическую базу «Мантэцу», а также являет собой фрагмент мозаики из представителей множества народов, включенных в экономические, политические и во-

⁶¹ Smith N. Introduction // *Empire and Environment in the Making of Manchuria*. Vancouver, 2017. P. 3–27.

⁶² Ibid. P. 4.

⁶³ Ibid. P. 5.

⁶⁴ Ibid. P. 7.

⁶⁵ Ibid. P. 8.

⁶⁶ Ibid. P. 9.

⁶⁷ Ibid. P. 11.

⁶⁸ Gottschang Th. R., Lary D. *Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria*. Ann Arbor, 2000.

енные процессы, повлиявшие на геополитическую ситуацию не только в Маньчжурии, но и во всей Восточной Азии.

Ряд инструментов манипулирования исторической памятью, в том числе и японских переселенцев в регион в начале XX столетия, поднимает в своей статье «Сила воображения: чей Северо-Восток и чья Маньчжурия?»⁶⁹ профессор Нарангоа Ли. Упомянув как о соглашениях друг с другом послевоенных России и Японии, так и исследуя японскую мемориальную политику в послевоенный период (1910–1920-е гг.), включая обязательное посещение туристами мест боевых сражений⁷⁰, создание силами сотрудников ЮМЖД Центра историко-географических исследований Маньчжурии и Кореи⁷¹, культивирование в бизнес-среде образа ЮМЖД как инструмента имперской цивилизации⁷², манипулирование историческими фактами и персоналиями (например, фигурой Чингисхана)⁷³, автор приводит точки зрения различных, в том числе и китайских, ученых на историю и судьбу Маньчжурии, противопоставляя этот термин (рус. Маньчжурия; яп. Мансё) китайскому Дунбэю как наследие имперских амбиций России и Японии. Под редакцией Ли Нарангоа совместно с профессорами истории Робертом Криббом и Дэвидом Чендлером вышел сборник статей⁷⁴, где в числе кейсов показана и Маньчжу-Монгольская государственность на излете японского имперского господства. Российское/советское присутствие отражается фрагментарно с позиций имперской политики и на фоне аналогичной политики других держав, а роль Советского Союза в окончании войны на Тихом океане и вовсе обойдена вниманием.

Доцент Шао Дан в работе «Удаленная Родина, восстановленное приграничье. Маньчжурия, Маньчжоу-Го и Маньчжурия, 1907–1985 гг.»⁷⁵ рассматривает проблемы империи Цин на исходе ее существования, связывая ослабление контроля над Маньчжурией увеличением русского, а затем и японского присутствия и невозможностью местных властей контролировать железнодорожное пространство⁷⁶. Российское присутствие обозначено в рамках устоявшихся научных канонов, исследующих сюжеты, связанные с Русско-японской войной.

Второй сегмент — корейская эмиграция — драматично раскрывается на примере работы Хён Ок Пак «Две мечты в одной постели: империя, социальная жизнь и истоки северокорейской революции в Маньчжурии»⁷⁷. Называя Маньчжурию XX в. «домом для китайцев, корейцев и японцев, чьи коллективные истории переплетены в сложных отношениях»⁷⁸, автор определяет российское присутствие в регионе не только в исторической ретроспективе, но и в современном миро-

---

⁶⁹ Li Narangoa. The Power of Imagination: Whose Northeast and Whose Manchuria? // Inner Asia. 2002. No. 1. P. 4–5.

⁷⁰ Ibid. P. 12.

⁷¹ Ibid. P. 13.

⁷² Ibid. P. 21.

⁷³ Ibid. P. 24.

⁷⁴ End of Empire. 100 Days in 1945 That Changed Asia and the World / eds David P. Chandler, Robert Cribb and Li Narangoa. Copenhagen, 2016. P. 352.

⁷⁵ Dan Sh. Remote Homeland, Recovered Borderland: Manchus, Manchukuo, and Manchuria, 1907–1985. Honolulu, 2011.

⁷⁶ Ibid. P. 49.

⁷⁷ Park H. O. Two Dreams in One Bed: Empire, Social Life, and the Origins of the North Korean Revolution in Manchuria. Durham, 2005.

⁷⁸ Ibid. P. XI.

устройстве как альтернативный азиатскому вариант регионального порядка, который в исследуемый период в формате социалистического блока противостоял идее Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания.

Третий сегмент — русскую эмиграцию — затрагивает коллективная монография «Запутанные истории: транскультурное прошлое Северо-Восточного Китая»⁷⁹, а российское присутствие в регионе преимущественно в первой половине XX в. показано на фоне проблем контрабанды и контрабандистов, еврейских харбинских кладбищ, русских газет и фашистских организаций, топографических работ наших соотечественников в регионе и т. п. Рассматривая Маньчжурию как площадку, где конкурировали российские, японские и китайские интересы, а ЮМЖД — как стимул для развития многих отраслей экономики, редакторы во вступительной части⁸⁰ отмечают, что и КВЖД, и ЮМЖД способствовали не только товарно-денежным обменам, но и обменам в среде различных этнических групп и в целом положительно оценивают роль нашей страны в развитии региона, отмечая как экономический, так и социальный эффект от строительства железной дороги⁸¹. В русле же социальной истории уместно вспомнить книгу Сюзанны Холер «Фашизм в Маньчжурии: советско-китайская встреча в 1930-х гг.»⁸², в которой рассматривается феномен русского фашизма в Маньчжурии с точки зрения его инфраструктурной составляющей. Автор отмечает значительное влияние на харбинское общество Русской фашистской партии, однако объясняет этот феномен не столько тем, что ее члены разделяли соответствующую идеологию в полном объеме, сколько тем, что партия и создаваемые ей социальные институты охватывали практически все сферы жизни тогдашнего русского Харбина⁸³.

Проблеме интеграции русскоязычной части населения Маньчжоу-Го посвящена диссертация Лю Сяояня «Государство без граждан: проблема гражданства в создании Японией Маньчжоу-Го»⁸⁴. Нашим соотечественникам и их месту в социальной структуре нового государства посвящена шестая глава (с. 38–44), первый параграф которой сосредотачивает внимание на русских и китайцах, второй — на законодательном урегулировании их статуса. Автор отмечает, что в этом направлении власти Маньчжоу-Го пытались нормализовать отношения с СССР, ведь русская диаспора в Маньчжурии представляла для них некоторую проблему и требовала огромной деликатности⁸⁵. Ценность работы заключается в скрупулезном подходе к заявленной проблеме и обширном наборе новых данных относительно наших соотечественников и их правового статуса, которые соискатель вводит в научный оборот.

В аналогичном ключе выстраивает свое исследование «“Цвет” денег: рубль, конкурирующие валюты и представления о гражданстве в Маньчжурии и на русском

---

⁷⁹ Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China / eds D. Ben-Canaan, F. Grüner, I. Prodöhl. [S.l.], 2014.

⁸⁰ Ibid. P. 6–7.

⁸¹ Ibid. P. 5.

⁸² Hohler S. Fascism in Manchuria: The Soviet-China Encounter in the 1930s. London, 2017.

⁸³ Ibid. P. 170–171.

⁸⁴ Liu X. A State without Nationals: The Nationality Issue in Japan's Making of Manchukuo. All Theses and Dissertations. Saint Louis, 2011.

⁸⁵ Ibid. P. 39.

Дальнем Востоке, 1890–1920-е гг.»⁸⁶ доцент Сю Чьяинь. Характеризуя построенные Россией железные дороги как инструмент российской экспансии⁸⁷, Сю Чьяинь на серии убедительных примеров и архивных данных опровергает приведенные выше позиции других западных ученых об убыточности КВЖД и ее обременительном для российского бюджета положении. Значимость приведенных сведений заключается в опоре не на авторскую позицию зарубежных исследователей, а на данные, подкрепленные обширным статистическим материалом, регулярно публикуемым КВЖД.

Четвертый сегмент — это сложный и драматичный процесс реэмиграции и репатриации, которому посвящен цикл работ азиатских исследователей как с японской, так и с китайской стороны. Во-первых, познавательной с точки зрения методологии и содержания является работа доцента антропологии Мариико Асано Таманои «Карты памяти: государство и Маньчжурия в послевоенной Японии»⁸⁸. Исследование опирается на воспоминания ряда сотрудников «Мантэцу». Автор книги в свойственной ряду японских исследователей манере трактует советское вторжение в Маньчжурию как оккупацию⁸⁹ (впрочем, так же интерпретируются и действия США⁹⁰) или нападение⁹¹, Советскую армию — как агрессора, а солдат — как убийц мирных граждан, женщин и детей⁹² или как насильников женщин, чьи мужья были убиты, при этом у женщин оставалась лишь альтернатива массового самоубийства⁹³.

Во-вторых, необходимо упомянуть полную драматизма и человеческой трагедии работу доцента Маюми Ито «Японские военные сироты в Маньчжурии: забытые жертвы Второй мировой войны»⁹⁴. ЮМЖД и «Мантэцу» рассматриваются как один из основных создателей рабочих мест для японских эмигрантов на континенте⁹⁵ в довоенное время и основной канал эвакуации их и их семей⁹⁶ после поражения Японии в войне. Советская сторона представлена как один из главных бенефициаров огромных активов послевоенной ЮМЖД, необходимых для восстановления страны⁹⁷. Сахалин и Курильские острова присутствуют в качестве оккупированной СССР территории, а проблема лояльного отношения современных японцев к этому событию именуется автором «исторической амнезией»⁹⁸. Ряд многочисленных примеров жестокости советских солдат, включая убийство беженцев и ответные убийства советских солдат местными жителями⁹⁹, детей китайцев,

---

⁸⁶ Hsu Ch. Y. The “Color” of Money: The Ruble, Competing Currencies, and Conceptions of Citizenship in Manchuria and the Russian Far East, 1890s–1920s // *The Russian Review*. 2014. Vol. 73, issue 1. P. 83–110.

⁸⁷ Ibid. P. 83.

⁸⁸ Tamanoi M. A. *Memory Maps: The State and Manchuria in Postwar Japan*. Honolulu, 2009.

⁸⁹ Ibid. P. 55.

⁹⁰ Ibid. P. 61.

⁹¹ Ibid. P. 56.

⁹² Ibid. P. 56.

⁹³ Ibid. P. 67.

⁹⁴ Itoh M. *Japanese War Orphans in Manchuria: Forgotten Victims of World War II*. New York, 2010.

⁹⁵ Ibid. P. 16.

⁹⁶ Ibid. P. 24.

⁹⁷ Ibid. P. 48.

⁹⁸ Ibid. P. 206.

⁹⁹ Ibid. P. 22.

прятавших японских детей¹⁰⁰, разбавляется единичными сюжетами о милосердии. Примером может служить история о массовом расстреле японскими солдатами своих сограждан перед эвакуацией и о помощи советских солдат в устройстве осиротевших японских детей в китайские семьи¹⁰¹. В целом, несмотря на понятную эмоциональность, исследование сохраняет объективный научный стиль и подход и, на наш взгляд, требует более пристального внимания со стороны российского научного сообщества.

В-третьих, следует назвать книгу «Брошенные японцы в послевоенной Маньчжурии: жизнь сирот и жен войны в двух странах»¹⁰² журналиста и писательницы Чан Йишан. Автор рисует картину японской миграционной политики в Маньчжурии, обосновывая ее целесообразность, равно как и создание специальных японских поселений-деревень с привычным образом жизни, направленным на содействие военной защите Японии от Советского Союза посредством культурного и экономического присутствия. Советская сторона и советское (преимущественно военное) присутствие рисуется в негативных тонах на фоне боевых действий¹⁰³, массовых самоубийств¹⁰⁴, вынужденных браков с китайцами¹⁰⁵ и т. д., тогда как вторжение советских войск в Маньчжурию преподносится как нападение¹⁰⁶. Примечательно, что факт непосредственного насилия со стороны советского солдата приведен и подтвержден лишь единожды¹⁰⁷.

Следующая исследовательская область — это *городская среда* таких крупных маньчжурских поселений, как Харбин, Дайрен и Чанчунь. Здесь уместно привести обстоятельную работу профессора Дэвида Вольфа «На вокзал Харбина: либеральная альтернатива в русской Маньчжурии, 1898–1914 гг.»¹⁰⁸, на которую Б. А. Эллеман дает противоречивую рецензию¹⁰⁹, упрекая автора не только в слабом знании тайбэйских архивов и чрезвычайно лапидарном упоминании о ЮМЖД¹¹⁰, но и в чрезмерной лояльности к русской колониальной политике, отличающейся от империализма других зарубежных стран.

Труд историка Джеймса Картера «Создание китайского Харбина: национализм в международном городе, 1916–1932 гг.»¹¹¹, несмотря на странную оговорку о том, что «победа японцев в войне 1904–1905 гг. положила конец власти России в Южной Маньчжурии, и Харбин стал единственным центром внимания России к Маньчжурии»¹¹² (отнюдь, ведь как минимум оставались русские концессии

¹⁰⁰ Itoh M. Japanese War Orphans in Manchuria: Forgotten Victims of World War II. P. 65.

¹⁰¹ Ibid. P. 32.

¹⁰² Chan Y. Abandoned Japanese in Postwar Manchuria: The Lives of War Orphans and Wives in Two Countries. London; New York, 2011.

¹⁰³ Ibid. P. XIX.

¹⁰⁴ Ibid. P. 19.

¹⁰⁵ Ibid. P. 21.

¹⁰⁶ Ibid. P. 19–21, 37–38, 66–67, 70, 75, 147.

¹⁰⁷ Ibid. P. 149, 170.

¹⁰⁸ Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Redwood City, 1999.

¹⁰⁹ Elleman B. A. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. By David Wolff // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73, no. 2. P. 451–453.

¹¹⁰ Ibid. P. 452.

¹¹¹ Carter J. H. Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932. New York, 2002.

¹¹² Ibid. P. 45.

в Тяньцине и Ханькоу), в целом сохраняет научную объективность, демонстрирует знание как западной, так и российской научной литературы по исследуемой теме и вступает в заочный диспут с некоторыми известными российскими исследователями, например с В. Г. Дацышеном.

Богато иллюстрированная работа Эдварда Дэнисона из Архитектурной школы Бартлетта и независимого исследователя Рэн Гуанью «Ультрамодернизм: архитектура и современность в Маньчжурии»¹¹³ демонстрирует блестящую структуру исследования и глубину погружения в проблему. В третьей главе «Восходящее солнце над Маньчжурией: золотой век Южно-Маньчжурской железной дороги, 1906–1931» значительное внимание уделяется архитектуре ЮМЖД. Говоря о русском присутствии в Маньчжурии с точки зрения того, что в Харбине и Даляне впервые в Китае было внедрено современное городское планирование¹¹⁴, авторы развенчивают миф о нашей стране как об агрессоре и эксплуататоре, без излишней риторики, но весьма точно рисуют картину регионального порядка, одним из воплощений которого, безусловно, выступала российская градостроительная политика.

Различные аспекты жизни и функционирования города Дайрена исследуются в работе уже упоминавшейся исследовательницы Эмер О’Дуайер «Значимая территория: поселенческий колониализм и японская городская империя в Маньчжурии»¹¹⁵. Несмотря на то что автор грешит путаницей в терминах, обозначая период русского и японского владения городом и полуостровом оккупацией, тогда как Цзяочжоу называет провинцией, а период, когда им владела Германия, — колонизацией¹¹⁶, в целом работа производит благоприятное впечатление. Здесь еще раз следует согласиться с профессором Раной Миттером, который указывает на имперский, а не колониальный характер российского присутствия, в отличие от японских Тайбэя или Сеула¹¹⁷. Интересна оценка политики новых, японских, хозяев города по его перепланировке — своеобразной «перепрошивке “Русского мира”» на «порядок Ямато». Здесь Э. О’Дуайер подмечает тщеславную привычку японских архитекторов характеризовать русский город Дальний как «не более чем казарменный городок», лишенный всякой культуры и с отсутствием изысканности¹¹⁸. При этом приводятся слова Ё. Мацусаки о стремлении «затемнить русское наследие, приписывая основной дизайн... дальновидности и имперской самоотверженности лидеров [Японии]»¹¹⁹. Не забывает автор и про «белую» эмиграцию, чувствовавшую себя в Дайрене как дома вплоть до лета 1941 г. В целом приходится согласиться с позицией доцента истории Университета Флориды Анники А. Калвер, считающей, что перед нами — «классическое эмпирическое историческое исследование»¹²⁰. При анализе тех или иных сторон жизни и организации управле-

¹¹³ Denison E., Ren G. Ultra-Modernism: Architecture and Modernity in Manchuria. Hong Kong, 2017.

¹¹⁴ Ibid. P. 12.

¹¹⁵ O’Dwyer E. Significant Soil: Settler Colonialism and Japan’s Urban Empire in Manchuria. Cambridge, 2015.

¹¹⁶ Ibid. P. XIV.

¹¹⁷ Mitter R. Significant Soil: Settler Colonialism and Japan’s Urban Empire in Manchuria. By Emmer O’Dwyer // Monumenta Nipponica. 2017. Vol. 72, no. 2. P. 331–334.

¹¹⁸ Ibid. P. 28.

¹¹⁹ Matsusaka Y. T. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. Cambridge, 2001.

¹²⁰ Culver A. A. Significant Soil: Settler Colonialism and Japan’s Urban Empire in Manchuria. By Emer Sinéad O’Dwyer // China Review International. 2015. Vol. 22, no. 3–4. P. 222–225.

ния Дайреном Э. О'Дуайер удается весьма элегантно переходить от русского к японскому присутствию, всякий раз подчеркивая наличие или отсутствие преемственности в институтах и нормах, что проявляется в научной эстетике и корректности работы с данными, не столь часто встречающихся в современных исследованиях.

На фоне развивающейся в современном мире эпидемии COVID-19 представляет интерес опыт противостояния эпидемиям в городской среде. В этом ключе профессор Роберт Перринс ведет речь о роли корпорации «Мантэцу» в вопросе обеспечения санитарного благополучия в Дайрене и в целом вдоль полосы ЮМЖД¹²¹. Автор дает восторженную оценку русскому архитектурному наследию столицы Южной Маньчжурии, подтверждая приведенные выше позиции относительно того, что японцы после занятия города в основном опирались на русскую планировку. Геополитический аспект сквозь призму социальных проблем и роль в этом вопросе российского присутствия в Маньчжурии отмечает в своей статье «Эпидемии как события и как кризисы: сравнение двух вспышек чумы в Маньчжурии (1910–11 и 1920–21)»¹²² профессор Христос Линтерис. В этом же ракурсе, рассуждая о медицинской политике японцев в концессиях и вдоль ЮМЖД, в своем очерке «Общественное здравоохранение и частная благотворительность на Северо-Востоке Китая, 1905–1945 гг.» выстраивает повествование известный специалист по государству и праву Маньчжоу-Го Томас Дюбуа¹²³.

Завершая обзор научных трудов, обратимся к уникальным в своем роде научно-популярным серийным изданиям, на страницах которых визуальный ряд выведен на первое место.

Первая серия — это цикл китайских архивных материалов под общим названием «Иллюстрированные записи о династии Цин», где городская среда представлена фотографиями и документами старого Шэньяна в книге «Старая столица Маньчжурии»¹²⁴, а инфраструктура ЮМЖД — в аналогичных материалах книги «Маньчжурская железная дорога»¹²⁵. Относительно русского наследия в районе ЮМЖД представленный материал включает фото и описание русских построек, сохранившихся и модернизированных японцами, пострадавших или утраченных во время военных действий, планируемых к строительству, но сооруженных или завершенных уже японцами, а также снимками участников процесса передачи железной дороги после подписания Портсмутского договора. Таким образом, перед исследователями — первоисточник многих важнейших аспектов изучаемого поля, недоступный в настоящее время широкому кругу исследователей.

Также важной с точки зрения визуального восприятия истории является работа Дэвида Кэпбелла «Русский солдат против японского солдата: Маньчжурия,

---

¹²¹ Perrins R. Doctors, Disease and Development: Engineering Colonial Public Health in Southern Manchuria, 1905–1931 // Building a Modern Japan: Science, Technology and Medicine in the Meiji Era and Beyond. London, 2005. P. 103–132.

¹²² Lynteris C. Epidemics as Events and as Crises: Comparing Two Plague Outbreaks in Manchuria (1910–11 and 1920–21) // Cambridge Anthropology. 2014. Vol. 32, no. 1. P. 62–76.

¹²³ DuBois T. D. Public Health and Private Charity in Northeast China, 1905–1945 // Frontiers of History in China. 2014. No. 9 (4). P. 506–533.

¹²⁴ A Pictorial Record of the Qing Dynasty — Old Manchu Capital. Shenyang, 2008.

¹²⁵ A Pictorial Record of the Qing Dynasty: Manchurian Railway. Beijing, 2009.

1904–05 гг.»¹²⁶, являющаяся частью серии подобных изданий¹²⁷, чей повествовательный мотив опирается на реконструкцию и фотографии описываемой среды.

Проведенное исследование подводит нас к ряду любопытных выводов, базирующихся на существующих в научной среде противоречиях относительно ЮМЖД и ее роли в конструировании регионального порядка в Восточной Азии. Во-первых, практически все исследователи сходятся на том, что Южно-Маньчжурская железная дорога играла важнейшую, едва ли не определяющую роль в ресурсном обеспечении японского присутствия в регионе. При этом предметно саму дорогу изучает крайне малое количество англоязычных ученых. Схожая картина наблюдается и в русскоязычном сегменте научной литературы.

Во-вторых, западная историческая наука, славящаяся своим пристальным вниманием к относительно небольшим проблемным сферам, подкрепленным серьезной научной базой, даже в узкопрофильных работах демонстрирует стремление дать и геополитический анализ происходящим событиям. В отдельных работах это удается сделать в объективном ключе, однако в ряде случаев проявляются односторонность суждений и нехватка опоры на альтернативный, в том числе и русскоязычный материал. Остается фактически невостребованным, например, внушительный блок справочных данных, издававшихся в свое время Экономическим отделом КВЖД, консульские донесения и подобные издания, могущие существенно дополнить и скорректировать уже сформированные и еще пока формирующиеся научные позиции.

В-третьих, в исследуемом пространстве, за небольшим исключением, отсутствует или слабо выстроена дискуссия с представителями отечественного научного сообщества. Отчасти данный подход объясняется напряженностью в международных отношениях России и западных государств, что, к сожалению, существенно отразилось и на изысканиях некоторых наших зарубежных коллег. И хотя часть из них остается верной себе, регулярно с конца 1990-х — начала 2000-х гг. в каждой своей публикации клеймя любые шаги российской внешней политики, в том числе и в дальней ретроспективе, риторика работ и содержащиеся в них оценки русского присутствия в регионе середины 2010-х гг. отдельных ученых стали более резкими при меньшей аргументированности. Это, к сожалению, снижает научность рассмотренных трудов, повышая их политизированность и субъективность. Также налицо стремление к упрощению в русле «хорошие — плохие», «правильно — неправильно» и т. п., попытки простым противопоставлением объяснить сложные процессы, протекающие на российской границе, игнорирование невыгодного научного материала (например, российских архивов), передергивание фактов и чрезмерное использование ненаучной терминологии (например, «захватнические устремления», «экспансионистские планы» и «Россию выгнали из Маньчжурии») в определении научных позиций и т. д.

В-четвертых, восприятие эпохи конца XIX — середины XX в. с позиций нынешнего времени. При этом имперская политика, равно как и устремления тех, кто ее реализовывал в Восточной Азии в исследуемый период и в настоящее время, не всегда отличается благородством помыслов и достижением декларируемых це-

¹²⁶ Campbell D. *Russian Soldier vs Japanese Soldier Manchuria 1904–05*. Oxford, 2019.

¹²⁷ Jukes G. *The Russo-Japanese War 1904–1905*. Oxford, 2002; Ivanov A., Jowett Ph., Karachtchouk A. *The Russo-Japanese War 1904–05*. Oxford, 2004.

лей вне зависимости от того, какая из стран ее проводила. Однако ее результаты, напротив, поддаются объективной оценке, начиная от «сухого остатка», например социальных и инфраструктурных объектов, оставленных после ухода из зоны наличия интересов или сферы присутствия. В то же время эти результаты могут служить примером эффективного манипулирования данными и фактами.

В этом развороте наглядной является позиция высшего японского руководства в региональной политике до середины 1930-х гг., лапидарная версия которой в фильме 2012 г. «Император» режиссера Питера Веббера вложена в уста Фумимаро Коноэ, однако на самом деле она была представлена в газете «The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser» в июне 1934 г. Ёсукэ Мацуокой, бывшим, между прочим, в числе членов совета директоров «Мантэцу». При этом мы, ни в коей мере не пытаясь оправдать или легитимировать ужасы войны, которые стали предметом Международного военного трибунала для Дальнего Востока в 1946–1948 гг., обращаем внимание на то, что приводимая нами позиция была сформулирована до начала боевых действий с Китаем, вошедшие в историю как Вторая китайско-японская война 1937–1945 гг. с ее кровавыми событиями и трагическими последствиями, пережить которые две страны не могут до сих пор. Суть позиции, сформулированной в публикации и фильме, в следующем: Япония не забирала у Китая Шаньдун и Циндао, она получила их от Германии; Япония не забрала у вьетнамцев Вьетнам (в тексте — Индокитай), она получила его от французов; Япония не забрала у китайцев Гонконг, а у бирманцев Бирму, она получила их от англичан; Япония не забрала Филиппины у филиппинцев, она получила их от американцев. Таким образом, то, что Япония, будучи у себя дома, в своем регионе, делала в течение 40 последних лет, западные державы, находясь на другом конце земного шара, делали в Восточной Азии три столетия. Тогда за что они собираются судить Японию?¹²⁸ И хотя, безусловно, бывший японский министр иностранных дел лукавил и манипулировал фактами, однако же делал он это куда более изящно, чем современные мировые лидеры. При этом задача настоящего ученого — не поддаваться на подобные инсинуации, опираясь на исторические факты и объективные данные, иначе наука превращается в инструмент подобных манипуляций, чего допускать нельзя.

References

- Campbell D. *Russian Soldier vs Japanese Soldier Manchuria 1904–05*. Oxford, Osprey Publ., 2019, 80 p.
- Carter J. H. *Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932*. New York, Cornell University Press, 2002, 220 p.
- Chan Y. *Abandoned Japanese in Postwar Manchuria: The Lives of War Orphans and Wives in Two Countries*. London, New York, Routledge, 2011, 208 p.
- Chen T.-Y. The South Manchurian Railway Company and the Mining Industry: The Case of the Fushun Coal Mine. *East Asian History and Culture Review*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 630–657.
- Cheng V. Sh. Ch. Imagining China's Madrid in Manchuria: The Communist Military Strategy at the Onset of the Chinese Civil War, 1945–1946. *Modern China*, 2005, vol. 31, no. 1, pp. 72–114.
- Culver A. A. Significant Soil: Settler Colonialism and Japan's Urban Empire in Manchuria. By Emer Sinéad O'Dwyer. *China Review International*, 2015, vol. 22, no. 3–4, pp. 222–225.
- Dan Sh. *Remote Homeland, Recovered Borderland: Manchus, Manchukuo, and Manchuria, 1907–1985*. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2011, XXI, 440 pp.

¹²⁸ Дудин П. Н. Буферные государства Северо-Восточной Азии. Северный и Восточный Китай. Пенза, 2018. С. 437–438.

- Denison E., Ren G. *Ultra-Modernism: Architecture and Modernity in Manchuria*. Hong Kong, Hong Kong University Press, 2017, 160 p.
- Dorofeeva M. A. Iuridicheskii fakul'tet v Kharbine kak forpost russkogo obrazovaniia v Kitae. *Berega: Informational and analytical collection about the Russian Abroad*, 2008, issue 9, pp. 40–46. (In Russian)
- Duara P. The New Imperialism and the Post-Colonial Developmental State: Manchukuo in comparative perspective. *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*, 2006, vol. 4, issue 1, pp. 1–17.
- DuBois T. D. Public Health and Private Charity in Northeast China, 1905–1945. *Frontiers of History in China*, 2014, no. 9 (4), pp. 506–533.
- Dudin P. N. *Bufernye gosudarstva Severo-Vostochnoi Azii. Severnyi i Vostochnyi Kitai*. Penza, Scientific Center “Sociosphere” Publ., 2018, 474, XXXIII p. (In Russian)
- Dudin P. N. Pravovye osnovy russkogo strategicheskogo prisutstviia v Vostochnoi Azii (konets XIX — pervaiia polovina XX vv.). *International Relations*, 2017, no. 4, pp. 16–22. (In Russian)
- Dukes P. *Russia in Manchuria: a Problem of Empire*. London, Routledge, 2022, 174 p.
- Elleman B. A. Epilogue: Rivers of Steel: Manchuria's Railways as a Natural Extension of the Sea Lines of Communication. *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, London, M. E. Sharpe, 2010, pp. 195–208.
- Elleman B. A. *Modern Chinese Warfare, 1795–1989*. London, Routledge, 2001, 363 p.
- Elleman B. A. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. By David Wolff. *The Journal of Modern History*, 2001, vol. 73, no. 2, pp. 451–453.
- Elleman B. A., Köll E., Matsusaka Y. T. Introduction. *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, London, M. E. Sharpe, 2010, pp. 3–10.
- Esselstrom E. *Crossing Empire's Edge: Foreign Ministry Police and Japanese Expansionism in Northeast Asia*. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2009, XII, 233 p.
- Gamsa M. *Harbin: A Cross-Cultural Biography*. Toronto, University of Toronto Press, 2020, 394 p.
- Gamsa M. *Manchuria: a concise history*. London, New York, I. B. Tauris, 2020, 208 p.
- Gottschang Th. R., Lary D. *Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria*. Ann Arbor, University of Michigan Center for Chinese Studies, 2000, 190 p.
- Hasegawa Ts. *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan*. Cambridge, Harvard University Press, 2005, 382 p.
- Hohler S. *Fascism in Manchuria: The Soviet-China Encounter in the 1930s*. London, I. B. Tauris, 2017, IX, 262 pp.
- Hsu Ch. Y. The “Color” of Money: The Ruble, Competing Currencies, and Conceptions of Citizenship in Manchuria and the Russian Far East, 1890s — 1920s. *The Russian Review*, 2014, vol. 73, issue 1, pp. 83–110.
- Itoh M. *Japanese War Orphans in Manchuria: Forgotten Victims of World War II*. New York, Palgrave Macmillan, 2010, XXIII, 264 p.
- Ivanov A., Jowett Ph., Karachtchouk A. *The Russo-Japanese War 1904–05*. Oxford, Osprey, 2004, 48 p.
- Jukes G. *The Russo-Japanese War 1904–1905*. Oxford, Osprey, 2002, 96 p.
- Kato Y. What Caused the Russo-Japanese War: Korea or Manchuria? *Social Science Japan Journal*, 2007, vol. 10, no. 1, pp. 95–103.
- Kotkin S. Preface. *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, London, M. E. Sharpe, 2010, pp. XIII–XVI.
- Kwong Ch. M. *War and Geopolitics in Interwar Manchuria. Zhang Zuolin and the Fengtian Clique during the Northern Expedition*. Leiden, Boston, Brill, 2017, 342 p.
- Li J. Phantasmagoric Manchukuo: Documentaries Produced by the South Manchurian Railway Company, 1932–1940. *Position: East Asia cultures critique*, 2014, no. 22 (2), pp. 329–369.
- Li Narangoa. The Power of Imagination: Whose Northeast and Whose Manchuria? *Inner Asia*, 2002, no. 1, pp. 4–5.
- Liu X. *A State without Nationals: The Nationality Issue in Japan's Making of Manchukuo*. Saint Louis, Washington University in St Louis, 2011, 50 p.
- Lynteris C. Epidemics as Events and as Crises: Comparing Two Plague Outbreaks in Manchuria (1910–11 and 1920–21). *Cambridge Anthropology*, 2014, vol. 32, no. 1, pp. 62–76.

- Maruya A. *The South Manchuria Railway Company as an Intelligence Organization. A report of the Center for Strategic and International Studies (CSIS) Japan Chair*. Washington, Center for Strategic and International Studies, 2012, 14 p.
- Matsusaka Y. T. Imagining Manmō: Mapping the Russo-Japanese Boundary Agreements in Manchuria and Inner Mongolia, 1907–1915. *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 172–204.
- Matsusaka Y. T. Japan's South Manchuria Railway Company in Northeast China, 1906–34. *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, London, M. E. Sharpe, 2010, pp. 37–58.
- Matsusaka Y. T. *The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932*. Cambridge, Harvard University Press, 2001, 522 p.
- Matsusaka Y. T. The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33. *The Journal of Japanese Studies*, 2004, vol. 30, no. 1, pp. 178–182.
- Mikhalev A. V. Politicheskoe prisutstvie — genealogiia kontsepta. *World Politics*, 2019, no. 2, pp. 33–42. (In Russian)
- Mikhalev A. V. The Russian Diaspora in Mongolia: Stages of the Formation of Frontier Religiosity. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2018, vol. 57, no. 2, pp. 128–141.
- Mitter R. Significant Soil: Settler Colonialism and Japan's Urban Empire in Manchuria. By Emmer O'Dwyer. *Monumenta Nipponica*, 2017, vol. 72, no. 2, pp. 331–334.
- Mitter R. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka. *The International History Review*, 2002, vol. 24, no. 3, pp. 662–663.
- Noguchi M., Boyns T. The South Manchuria Railway Company and its Interactions with the Military: An Accounting and Financial History. *The Japanese Accounting Review*, 2013, vol. 3, issue 2013, pp. 61–101.
- O'Dwyer E. *Significant Soil: Settler Colonialism and Japan's Urban Empire in Manchuria*. Cambridge, Harvard University Asia Center, 2015, 540 p.
- O'Dwyer E. Review. Crossing Empire's Edge: Foreign Ministry Police and Japanese Expansionism in Northeast Asia. *Journal of World History*, 2011, vol. 22, no. 1, pp. 185–190.
- Paine S. C. M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk, M. E. Sharpe, 1996, XXI, 417 p.
- Paine S. C. M. The Chinese Eastern Railway from the First Sino-Japanese War until the Russo-Japanese War. *Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, London, M. E. Sharpe, 2010, pp. 13–36.
- Park H. O. *Two Dreams in One Bed: Empire, Social Life, and the Origins of the North Korean Revolution in Manchuria*. Durham, Duke University Press, 2005, XIX, 316 p.
- Peattie M. R., Myers R. H., Duus P. *The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937*. Princeton, Princeton University Press, 2014, 496 p.
- Perrins R. Doctors, Disease and Development: Engineering Colonial Public Health in Southern Manchuria, 1905–1931. *Building a Modern Japan: Science, Technology and Medicine in the Meiji Era and Beyond*. London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 103–132.
- Quested R. K. I. "Matey" Imperialists? *The Tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917*. Hong Kong, University of Hong Kong Centre of Asian Studies Publ., 1982, IV, 430 pp.
- Reynolds B. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka. *The Journal of Asian Studies*, 2002, vol. 61, no. 2, pp. 726–727.
- Sewell B. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka. *Pacific Affairs*, 2001–2002, vol. 74, no. 4, pp. 608–610.
- Smith N. Introduction. *Empire and Environment in the Making of Manchuria*. Vancouver, University of British Columbia Press, 2017, pp. 3–27.
- Tamanoi M. A. *Memory Maps: The State and Manchuria in Postwar Japan*. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2009, X, 214 p.
- Wang L. Zhongdong Railway Incident and Great Repercussions Caused by Letters from Chen Duxiu. *Asian Culture and History*, 2010, vol. 2, no. 1, pp. 48–58.
- Wilson S. *The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33*. London, Routledge Publ., 2002, XII, 252 p.

- Wolff D. *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Redwood City, Stanford University Press, 1999, 255 p.
- Young L. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. By Yoshihisa Tak Matsusaka. *Monumenta Nipponica*, 2002, vol. 57, no. 2, pp. 234–237.
- Zhang H. Japan and Zhongdong Railway Incident. *Asian Culture and History*, vol. 1, no. 2, 2009, pp. 57–62.
- Zhang Sh. Return of the Chinese Changchun Railway to China by the USSR. *Manchurian Railways and the Opening of China, An International History*. Armonk, London, M. E. Sharpe, 2010, pp. 171–194.

Статья поступила в редакцию 30 января 2022 г.

Рекомендована к печати 10 сентября 2022 г.

Received: January 30, 2022

Accepted: September 10, 2022